

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Сафонов В.Н. Восстановительное правосудие и системность права // Право и политика. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.1.69450 EDN: LLTDFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69450

Восстановительное правосудие и системность права

Сафонов Владимир Николаевич

ORCID: 0000-0002-3676-1894

кандидат юридических наук

доцент кафедры публичного права, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; СЗФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург).

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5А

✉ svn205@gmail.com

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2024.1.69450

EDN:

LLTDFG

Дата направления статьи в редакцию:

26-12-2023

Аннотация: Объектом исследования стали правоотношения, возникающие в связи с альтернативными формами разрешения уголовно-правовых конфликтов, образующие наряду с другими правоотношениями восстановительное правосудие. При этом соблюдался системный подход к исследованию: данные отношения рассматривались в контексте историко-правового, сравнительно-правового и собственно юридического подходов. Предмет исследования составляют уголовно-правовые нормы, которые исследователи связывают с реализацией подходов восстановительного правосудия. В частности, таковыми являются положения ст. ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ, корреспондирующие им нормы УПК РФ, а также положения Особенной части УК РФ, предусматривающие основания освобождения от уголовной ответственности в случаях совершения субъектом преступлений соответствующих позитивных посткриминальных действий. Упомянутые нормы УК РФ рассматриваются в том числе и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 №193-ФЗ.

Методология исследования основана на широком применении общих (обобщение, наблюдение), общенаучных (диалектический, логический, системный), частнонаучных (социологический, исторический, аксиологический) и специальных (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод юридической герменевтики) методов исследования. Специальные методы применялись преимущественно при исследовании границ и пределов распространения форм альтернативного разбирательства. На основе анализа литературных источников и определенного массива уголовных и гражданских дел, закончившихся примирением сторон и соответствующими процессуальными решениями, автор утверждает, что современное состояние парадигмы восстановительного правосудия характеризуется отсутствием однообразной его интерпретации и представлений об отраслевых границах правовых норм, на которых строится альтернативное разрешение правовых конфликтов. Да и сама идея восстановительного правосудия подвергается неоднозначной оценке исследователей. Делаются выводы о несоответствии междисциплинарного института восстановительного правосудия требованиям системности российского права, необходимости осмысления идеи восстановительного правосудия как в контексте российской правовой семьи, так и в пределах конкретных отраслей права. Утверждается, что пора эйфории от ожидаемых перспектив восстановительного правосудия должна смениться взвешенной имплементацией ее положительного потенциала в законотворческую и практическую плоскости. Вносятся предложения доктринального и законотворческого характера, направленные на более глубокую имплементацию рассматриваемого института в нормативную сферу с целью его оптимизации.

Ключевые слова:

правосудие, альтернативное правосудие, восстановительное правосудие, интересы потерпевшего, медиация, системность права, гуманизм, компромисс с преступностью, потерпевший, переговоры

Современное состояние института восстановительного правосудия – предмет отдельной и неоднозначной оценки. Предвидим возражения, ведь авторы большинства публикаций на эту тему позитивно и дружно настаивают не только на «большом светлом будущем», но уже на состоявшемся настоящем рассматриваемой формы разрешения конфликтов. С этим можно было бы согласиться, если современная доктрина и правоприменительная практика давали бы исчерпывающий ответ на вопросы: 1) что такое восстановительное правосудие? 2) как оно соотносится с такими категориями как: уголовный процесс, альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов, медиация, компромисс с преступностью, освобождение от уголовной ответственности? Представляется, что к настоящему времени оптимистическое ожидание эффективности альтернативного уголовного преследования не столь очевидно воплощается в реалиях. Не могут не обращать на себя внимание: рассогласованность терминов, относящихся к альтернативам действующего судопроизводства, различия в понимании их содержания, внутриотраслевых и межотраслевых границ, отсутствие критериев эффективности и убедительности того, что конкретный конфликт разрешен средствами альтернативного, а не традиционного правосудия и др. Темпоральные «лимиты» внешне убедительных аргументов ценности восстановительного правосудия заканчиваются, однако содержательных ответов на поставленные выше вопросы с позиции системности права [\[9, с. 39-43\]](#) не дано. Все это предопределяет обращение к проблеме восстановительного правосудия.

Объектом исследования стали правоотношения, возникающие в связи с альтернативными формами разрешения уголовно-правовых конфликтов, образующие наряду с другими правоотношениями восстановительное правосудие. При этом соблюдался системный подход к исследованию: данные отношения рассматривались в контексте историко-правового, сравнительно-правового и собственно юридического подходов.

Предмет исследования составляют уголовно-правовые нормы, которые исследователи связывают с реализацией подходов восстановительного правосудия. В частности, таковыми являются положения ст. ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ, корреспондирующие им нормы УПК РФ, а также положения Особенной части УК РФ, предусматривающие основания освобождения от уголовной ответственности в случаях совершения субъектом преступлений соответствующих позитивных посткриминальных действий. Упомянутые нормы УК РФ рассматриваются в том числе и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 №193-ФЗ.

Цель исследования состоит в изучении сущности и содержания как альтернативного судопроизводства, так и его видов (форм); соотношение понятий: «восстановительное правосудие», «альтернативное правосудие», «компромисс с преступностью», «медиация». Целями исследования также стали: внутриотраслевые и межотраслевые пределы включения в судопроизводственную деятельность альтернативных форм правосудия.

Методология исследования основана на широком применении общих (обобщение, наблюдение), общенаучных (диалектический, логический, системный), частнонаучных (социологический, исторический, аксиологический) и специальных (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод юридической герменевтики) методов исследования.

Специальные методы применялись преимущественно при исследовании границ и пределов распространения форм альтернативного разбирательства.

Результаты исследования

1) Предпосылки развития альтернативных форм урегулирования уголовно-правовых конфликтов

Развитие альтернативного правосудия и различных его форм – следствие многих причин. Поиск наиболее удачных процедур, которые соответствовали бы запросам общества, обусловлен множеством факторов, среди которых: гуманизация общества и уголовной политики государства; экономия материальных средств; процессуальная экономия; минимализация вреда от преступлений на условиях уступок со стороны государства; стремление к снижению напряженности и противостояния в социуме и др.

Так, специалист в области альтернативного правосудия Хельмут Кури, профессор Фрайбургского университета, утверждает, что «...альтернативные меры снижения преступных конфликтов в обществе имеют долгую и, очевидно, успешную историю» [\[21, с. 175\]](#). Есть и более категоричные утверждения. Так, известный исследователь примирительных процедур Дж. Брэйтуэйт утверждает, что «...до сих пор ничего неизвестно о культуре, в глубине которой не коренится восстановительная традиция» [\[14, с. 57\]](#), а Н. Рулан считает, что исходной формой решения конфликтов были

переговоры, примирение и возмещение ущерба, а кровная месть использовалась в какой-то степени как «крайняя мера», к которой прибегали довольно редко [\[28, с. 172\]](#).

Согласительные процедуры известны с античного мира. Начиная с эпохи римского права, третейские суды были ориентированы на согласительно-примирительные процедуры. Не находилась в стороне и христианская религиозная мысль, провозглашавшая принципы примирения в общественной жизни, в том числе и при урегулировании частноправовых споров. О.В. Карягина, исследовав ретроспективу идеи примирения и посредничества в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли, приходит к выводу: «Обращение к историческому наследию отечественных мыслителей позволяет утверждать, что применение посреднических процедур и их наиболее типичных форм – третейского суда и мирового соглашения – неотъемлемая часть российской правовой культуры [\[14, с. 56\]](#). Абстрагируясь от примеров конкретных историко-правовых памятников, называются и три основных этапа в развитии представлений о примирении и посредничестве в российской истории правовых и политических учений. Первый этап связан с архаическими концепциями примирения и посредничества в обосновании идеи сохранения целостности русской (славянской) цивилизации; второй этап связан с развитием (или отрицанием) идеи о самобытности русского народа в работах отечественных представителей консервативной и либеральной мысли. Третий этап – разработка концепции восстановительного правосудия [\[14, с. 59\]](#).

Авторы практически едины в том, что практика восстановительного правосудия изначально возникла в странах англосаксонской системы права (США, Великобритания, Австралия), хотя мнения относительно первого такого опыта расходятся: от 60-х г.г. XIX в. [\[14, с. 59\]](#) до 70-х г.г. XX в. [\[7, с. 14\]](#). Убедительней представляется вторая дата, если принять во внимание не только практику, но и обоснование идеи восстановительного правосудия.

2) Альтернативные формы урегулирования уголовно-правовых конфликтов (неполный перечень и краткий анализ)

Идею альтернативного или восстановительного правосудия принесло разочарование в возможностях традиционного правосудия, нередко именуемого исследователями как карательного, ориентированного на императив уголовного наказания. В фундаментальной монографии, посвященной альтернативам уголовному преследованию в современном праве, Л. В. Головкич замечает: «В последние годы интересующая нас тенденция оказалась столь глобальной в мировом и европейском масштабе, что нашла отражение в документах международного масштаба» [\[7, с. 14\]](#). В частности, напоминает исследователь, Комитет министров государств – членов Совета Европы 17 сентября 1987 г. в своих официальных документах не только одобрил саму идею внесудебного урегулирования уголовно-процессуальных конфликтов, но и предложил конкретные модели такого урегулирования после обобщения накопленного опыта.

Терминологически альтернативы традиционного правосудия трактуются по-разному: как альтернативное правосудие, как восстановительное правосудие либо как медиация. Так, Л.В. Головкич констатирует: «Отчаявшись видеть в наказании исключительно утилитарную меру, способную реально, а не только в теории, исправлять, реадaptировать преступника, снижать уровень преступности и т.д., его вновь все чаще воспринимают по-кантиански, т.е. как воздаяние или, иначе говоря, восстановление нарушенного преступным деянием баланса». [\[7, с. 12\]](#).

Национальные законодательства показывают накопившийся у них «арсенал» методов разрешения уголовно-правовых конфликтов. В Англии и Уэльсе это: предупреждение и медиация, в Шотландии – концепция целесообразности, практикуемая прокурорами – фискалами с широкими дискреционными полномочиями, вкупе с практикой предупреждения о недопустимости нарушения уголовного закона, а в дальнейшем – и новый способ освобождения от уголовной ответственности – фискальный штраф, применяемый к определенному числу случаев уголовно-правовых конфликтов. Источники свидетельствуют, что поиски новых форм уголовно-правового регулирования не всегда находят своих сторонников, встречают они и жесткую критику.

Для современной Франции характерно наиболее активное внедрение альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов на базе различных практик медиации, постепенно обретших правовые формы. Уровень значимости альтернативных технологий во французском судопроизводстве показывает следующий пример. В соответствии со ст.48-1 УПК Франции решение об отказе от традиционной формы уголовно-процессуального реагирования и о применении его альтернативы предопределяет вывод прокурора. Если последний придет к выводу о том, что альтернативный способ окажется эффективнее с позиций предотвращения нового преступления и более эффективного возмещения вреда потерпевшему, то избирается последний.

Законодательствам Бельгии и Нидерландов альтернативные формы судопроизводства известны еще ранее, чем Англии и Уэльса, а наиболее актуальная форма такого урегулирования уголовно-правового конфликта именуется трансакцией. Ее смысл – добровольное внесение денежных средств или выполнение иного финансового условия, установленного прокурором во избежание преследования и судебного разбирательства. Объективности ради следует заметить, что трансакция применяется к ограниченному числу случаев уголовно-правовых конфликтов.

Л.В. Головки обращает внимание на уровень распространения медиации в публичном уголовном процессе Бельгии: применительно к этому государству впору говорить о «медиационно-процессуальном праве» [\[7, с. 147\]](#).

Очевидны подвижки в сторону альтернативного правосудия и в Германии: §153а УПК Германии позволяет освобождать от уголовной ответственности на условии уплаты денежной суммы в государственную казну. Причем, эта альтернатива не является единственной.

Отдельного внимания заслуживают фундаментальные работы проф. Х.Д. оглы Аликуперова, посвященные компромиссу с преступностью, в рамках которых компромисс – также форма альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта, когда он не обязательно связан с наказанием [\[1; 2\]](#). В частности, к нормам, допускающим компромисс, ученый относит добровольное возмещение причиненного вреда, предотвращение виновным последствий совершенного преступления и др. [\[1, с. 83-85\]](#). В целом же понимание компромисса с преступностью Х.Д. оглы Аликуперов видит следующим образом: «Под нормами уголовного законодательства, допускающими компромисс, следует понимать нормы, в которых лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе и обеспечивающих реализацию основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью» [\[1, с. 65\]](#).

В порядке перечисления назовем иные виды альтернативного правосудия: германская

«ювенальная медиация», австрийское субъективное «право на медиацию», шведский институт «суммарного наказания в виде штрафа, «область консенсуса» португальского УПК, соглашения (сделки) о признании вины англосаксонского и континентального права. Получив официальное признание в XIX в США, «сделки о признании вины» в различных аналогиях получили распространение в ряде европейских стран. Совокупность моделей традиционного и альтернативного процесса позволили европейским ученым выделить «четыре абстрактные модели уголовной юстиции или четыре формы судопроизводства» [\[7, с. 206- 207\]](#).

Отдельного внимания заслуживает американская модель альтернативного правосудия, именуемая восстановительным правосудием. Она возникла на Северо-Американском континенте в 70-х г.г. XX века, а в следующее десятилетие получила свое закрепление в исследованиях американского социолога Ховарда Зера, который «обосновывал конфронтацию моделей карательного и восстановительного правосудия. Последнее центральной задачей имеет восстановление прав лиц, так или иначе пострадавших от преступления. Иначе говоря, справедливое наказание преступника заменяется принятием им мер по восстановлению положения потерпевших, утерянному в результате совершения преступления» [\[27, с.276\]](#). Содержательно процесс восстановительного правосудия в США и странах континентальной Европы сводится к встрече преступника, жертвы преступления и третьей стороны — специально обученного сотрудника, признанию преступником своей вины, достижению соглашения о том, как преступник должен исправить причиненный преступлением вред. Соглашение должно включать в себя извинение со стороны преступника, восстановление прав жертвы преступления с указанием конкретного способа заглаживания вреда. Уголовное наказание находится за пределами соглашения [\[35\]](#). Подписание соглашения позволяет преступнику избежать лишения свободы при совершении преступления небольшой тяжести, а при совершении более тяжкого деяния дает шанс на соответствующие санкции с увеличением вероятности условного осуждения. Исследователи отмечают, что заключенное в рамках восстановительного правосудия соглашение между преступником и жертвой релевантно для суда [\[3, с.88-93\]](#). Характерно, что спустя какое-то время восстановительное правосудие стало настолько массово интерпретироваться как синоним альтернативного правосудия и медиации [\[18, с. 60 – 64; 24, с. 38 – 40; 29, с.463 – 469\]](#), что основатель концепции восстановительного правосудия Зер Ховард уже в начале XXI века вынужден был указать на различие этих практик [\[13, с. 10-11\]](#).

Следует признать, что в массовом сознании, да и для большинства современных исследователей эти границы стали метафизическими. Категорически за расширение медиации как формы восстановительного правосудия и альтернативы традиционного уголовного процесса известный немецкий ученый Хельмут Кури: «Классическая судебная процедура явно неэффективна в отношении реинтеграции преступников, что профессиональная медиация способна хотя бы частично исправить» [\[21, с. 176\]](#). В трудах известных западных и российских ученых единичны исследования проблемы, как соотносятся между собой альтернативное правосудие, альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов, медиация и восстановительное правосудие [\[22, с. 120-129\]](#). Дерек Брукс и Йен Макдона – специалисты Шотландской службы консультаций и обучения по вопросам восстановительного правосудия и Службы консультаций и обучения по вопросам медиации настаивают: «Термин “медиация” – неподходящее описание того, что может произойти [в рамках восстановительной встречи]. В процессе разрешения конфликта или спора с помощью медиатора считается,

что морально стороны находятся на одном уровне, и часто они берут на себя обязательства, которые им, возможно, придется выполнять совместно. Нейтральный язык медиации может вводить в заблуждение и даже звучать оскорбительно во многих случаях. Хотя термин «медиация» и был принят на ранних стадиях развития сферы восстановительного правосудия, он все чаще заменяется такими терминами, как «конференция» или «диалог» по причинам, изложенным выше» [\[4, с. 108-123\]](#). Ситуации, связанные с восстановительным правосудием как последствием преступления, по мнению этих специалистов, требуют строго учитывать деликатность и избирательность технологии улаживания негативных последствий [\[4, с. 108-123\]](#).

В большинстве же современных исследований делается вывод о том, что: восстановительное правосудие ориентируется в первую очередь на восстановление прав потерпевшего; основной его технологией является медиация – примирение потерпевших и правонарушителей путем посредничества третьей (независимой) стороны (англ. mediation – посредничество, ходатайство, заступничество); эта форма улаживания криминального конфликта предполагает интеграцию правонарушителя с обществом, сокращение рецидива, снижение уровня напряженности в обществе [\[17, с. 42-44; 19, с. 246 – 251; 23, с. 63-66; 25, с. 6-13;\]](#). Медиацию как альтернативную форму уголовного преследования несовершеннолетних выделяют Ю. В. Деришев и Е. Е. Забуга [\[11; 12\]](#), В.В. Конин [\[17, с. 42 – 44\]](#).

Таким образом, логика рассуждений прямо или косвенно приводит к выводу о том, что восстановительное правосудие является вариантом (видом) альтернативного (нерепрессивного) разрешения уголовно-правового конфликта. В части же соотношения восстановительного правосудия и медиации все не так линейно и не синонимично, как утверждается во многих исследованиях: одни исследователи считают эти понятия синонимичными, другие (особенно западные) знака равенства между ними не ставят. Привлекательной видится позиция авторов учебного пособия «Формы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве» И.Ю. Панькиной, В.В. Кониной и Т.Н. Долгих. Восстановительное правосудие они трактуют как альтернативную форму уголовному преследованию. В качестве форм восстановительного правосудия эти исследователи называют медиацию и трансакцию [\[25, с. 28 – 83\]](#).

Несложно заметить, что понятие восстановительного правосудия, «оторвавшись» от американских корней, «пустилось в самостоятельное плавание», не ограничиваясь в своем первоначальном варианте общением преступника с жертвой. По крайней мере в российских реалиях восстановительное правосудие стало трактоваться шире, но смыслообразующий ориентир – интерес потерпевшего не утратил своего значения. Как уже указывалось, это спустя 40 лет после обоснования концепции восстановительного правосудия и послужило причиной обращения его американских создателей к вопросу отграничения восстановительного правосудия от медиации [\[12, с. 10-11; 6, с. 6-23\]](#).

В отечественных литературных источниках предметом дискуссии стали различные аспекты восстановительного правосудия: понятие, формы, наиболее актуальные сферы (категории дел) применения. М.Е. Рымко и Н.А. Смирнова восстановительное правосудие определяют как системную совокупность законодательно установленных государством мер реагирования на совершенное общественно – опасное деяние, фундаментальной задачей которых является восстановление нарушенных общественных отношений, и возмещение вреда, причиненного преступлением, путем примирения жертв и преступников, в целях удовлетворения потребностей потерпевших и возмещения им

ущерба, а также ресоциализации обвиняемых [\[29, с. 466\]](#). В.В. Конин преимущества восстановительного правосудия связывает с рассмотрением дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей [\[17, с. 4 – 44\]](#).

3) Восстановительное правосудие с позиций имплементации в законодательную и правоприменительную сферы

Ознакомление с доктринальными источниками по рассматриваемой проблеме показывает градус научного интереса: в отечественной правовой науке в последние два десятилетия восстановительному правосудию, медиации и альтернативным формам разрешения уголовно-правовых конфликтов посвящена не одна сотня научных публикаций. Спектр исследований весьма широк. Делаются выводы о пригодности механизма восстановительного (альтернативного) правосудия для урегулирования уголовно-правовых конфликтов в рамках уголовных дел в отношении несовершеннолетних [\[24, с. 38-40; 17, с. 42 – 44\]](#), конфликтов на межнациональной почве [\[8, с. 78-82\]](#), хозяйственных споров [\[20, с. 146-149\]](#). Однако наиболее часто восстановительное правосудие называется как наиболее эффективный механизм восстановления прав жертвы преступления [\[16, с. 25-33\]](#).

Казалось бы, и в теории, и на практике следовало ожидать неизбежную диффузию альтернативных форм судопроизводства в массу уголовно-правовых конфликтов. Однако отсутствие достаточной нормативно-правовой базы и четких критериев успешности альтернативного правосудия (в рамках реально существующего уголовного восстановительного правосудия), да и убедительной статистики не позволяют утверждать об эффективности такового. Приверженцы традиционного уголовного процесса и вовсе решительно отвергают формы альтернативного урегулирования уголовно-правовых конфликтов «за отсутствием достаточных научных оснований». В частности, начальник кафедры уголовной политики Академии МВД России проф. А.В. Победкин утверждает: «Прекратить нравственные страдания путем возмещения вреда в имущественном выражении можно далеко не всегда. Желание возмездия, если угодно – мести, которое лежит в основе любого возмездия – нормальное желание потерпевшего... В этой связи для восстановления прав и законных интересов потерпевшего нет необходимости в опоре на концепцию «восстановительного правосудия». Эффективная защита потерпевшего может и должна осуществляться в рамках публичного уголовного процесса, который искаженно именуется иногда «карательным» [\[27, с. 25\]](#).

Каковы же российские практические реалии в области распространения опыта восстановительного правосудия и насколько они свидетельствуют о принадлежности результата к альтернативным формам разрешения уголовно – правового конфликта? На наш взгляд, медиативное законодательство формируется в логичной последовательности, но недостаточно оперативно. Оно к тому же ограничено частно – публичными отраслями. Вторая примета процесса – заинтересованность в продвижении форм восстановительного правосудия со стороны органов судейского сообщества. Например, в 2007 г. в целях развития системы досудебного урегулирования правовых споров на заседании Совета председателей судов Уральского федерального округа было принято решение о подготовке и реализации на базе этого округа пилотного проекта развития альтернативных методов разрешения правовых конфликтов. Во втором квартале 2008 г. концепцию поддержали Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд РФ [\[25, с. 18-21\]](#).

1 января 2011 г. вступил в силу федеральный закон «Об альтернативной процедуре

урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 №193-ФЗ (в настоящее время действует редакция от 23.07.2013 г., далее — Закон №193-ФЗ, закон о медиации). Напомним, что в соответствии с ч.2 этого закона данным правовым актом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. В части третьей говорится, если споры возникли из иных, отношений, действие настоящего Федерального закона распространяется на отношения, связанные с урегулированием таких споров путем применения процедуры медиации только в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Научные публикации об эффективности данного закона противоречивы: от констатации незначительной роли в уменьшении нагрузки на судей и снижении конфликтности в одних регионах и сферах судопроизводства [\[20, с. 146-149\]](#) до очевидной востребованности медиационных возможностей в других [\[32, с. 288-292\]](#). Такое различие может объясняться разной активностью субъектов реализации рассматриваемого закона. Таким образом, медиативные усилия сторон в определенной степени носят факультативный характер, как ограниченно включенные в уголовно-процессуальную материю.

Последние тенденции в структуре преступности (увеличение числа удаленно совершаемых преступлений, виктимизация значительного числа граждан через информационное пространство, частые мошеннические завладения имуществом жертв преступлений, отставание на этом фоне эффективного противодействия), – все это вкупе с причинами ментального свойства [\[30, с. 182-188\]](#) может поставить под сомнение эффективность идеи восстановительного правосудия. В определенной степени сдержанность практики альтернативного урегулирования уголовно-правовых конфликтов с одной стороны определяется ограничительным эффектом принципов уголовного процесса [\[26, с. 84-94\]](#), а с другой стороны это компенсируется расширением сферы действия принципа гуманизма за счет принятия новых норм или совершенствования действующих. Например, в 2016 г. была принята ст.76.2 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа), оказавшаяся столь востребованной в правоприменительной практике [\[31, с. 81-91\]](#). Известна и практика широкого применения ст.76 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим).

Памятуя представленную выше позицию неприятия идеи восстановительного правосудия и примате уголовно-процессуальных форм уголовного процесса, уместен вопрос, на чей баланс следует отнести практику освобождения от уголовной ответственности по основаниям ст.ст. 76, 76.1, 76.2 УК РФ: публичного (традиционного) уголовного процесса или восстановительного правосудия? Впрочем, этот «статистический» аспект не является определяющим.

Оценивая перспективы медиации и других примирительных процедур, О.В. Петрова права в своих выводах: 1) примирительные процедуры в рамках дел частного обвинения или освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим не могут в должной мере реализовать потенциал восстановительной медиации; 2) самый важный аспект и препятствие в развитии примирительных процедур проявляются в действиях принципа неотвратимости ответственности и собственно принципа публичности

[\[26, с. 84-94\]](#).

Медиабельность каждого уголовно-правового конфликта должна быть проверена [\[33, с. 7-14\]](#). Весьма сдержанно следует подходить к распространению примирения по делам, связанным с семейным и гендерным насилием [\[26, с. 84-94\]](#), оно неприемлемо в ситуациях с преступлениями организованных преступных групп [\[34, с. 5-8\]](#). И все же примирительный потенциал сторон нельзя не учитывать с учетом множества его положительных сторон [\[15, с. 41-46\]](#). Он, к тому же, согласуется с очевидным развитием принципа гуманизма в материальном и процессуальном праве.

Уместен вопрос о проблемах, которые замедляют продвижение института восстановительного правосудия. Налицо рассогласованность терминов, относящихся к альтернативам действующего судопроизводства, неопределенность их внутриотраслевых и межотраслевых границ, неопределенность критериев эффективности, неубедительность аргументов того, что конкретный конфликт разрешен средствами альтернативного, а не традиционного правосудия и др.

Однако все названное – скорее следствие, причина недостаточно определенного статуса восстановительного правосудия видится в другом. Думается, что эти проблемы уходят в краеугольный правовой принцип системности права. Системность права – необходимое условие его сбалансированного регулирования правоотношений. Системность права с одной стороны имеет интегрирующий характер, с другой – позволяет учитывать особенности правоотношений, относящихся к различным отраслям права и отражать это в нормах разных отраслей права. Системность права, считает А.В. Денисова, – это характерная особенность права, его отраслей, в том числе уголовного права, означающая, что право есть внутренне упорядоченная, согласованная система правовых норм и правовых явлений. Системность указывает на то, что свои регулятивную и охранительную функции право, а точнее его составляющие, выполняют лишь во взаимодействии друг с другом [\[9, с. 39-43; 10\]](#).

Обсуждая вопрос о связи системности права и системности правовых норм, М.В. Воронин заключает: «Качественный состав видов норм права выступает одним из ярких проявлений системности права, иллюстрирует многосложное, функционально заданное объективными и субъективными факторами строение права» [\[5, с. 85\]](#).

Очевидно, что восстановительное правосудие в структурном отношении – межотраслевой институт, распространяющийся на правоотношения, лежащие в сфере уголовного, уголовно-процессуального, семейного, гражданского, гражданско-процессуального, административного права. Поэтому предмет регулирования этого института в сфере уголовного права и уголовного процесса следует более точно фиксировать на законодательном уровне, четко соблюдая внутри- и межотраслевые границы правового регулирования. Примером этого может служить следующая законодательная новелла белорусского законодателя. В республике Беларусь Законом от 26 мая 2021 года в УПК введена статья 30–1, которой регламентировано примирение обвиняемого с потерпевшим: оно осуществляется на основе добровольного волеизъявления по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления конфликта (спора) между ними, в том числе путем заключения медиативного соглашения.

Выводы.

Полагаем уместным предложить некоторые результаты обсуждения проблемы

восстановительного правосудия как альтернативной формы урегулирования уголовно-правовых конфликтов.

1. Альтернативные формы урегулирования уголовно-правовых конфликтов имеют гуманистическую, нравственно-психологическую, материальную и другие основы, в силу чего они востребованы обществом.

2. В содержательном отношении восстановительное правосудие представляет собой межотраслевой институт, распространяющийся на гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, административные, уголовные и уголовно-процессуальные отношения. Однако в настоящее время законодательно он распространяется на отрасли частного права. В публичных отраслях права медиативную функцию в силу пробельности норм выполняют стороны.

3. Современное состояние института восстановительного правосудия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РФ не соответствует системности как интегрирующему принципу права, что предполагает его дальнейшее внутри- и межотраслевое совершенствование.

4. На настоящий момент институт восстановительного правосудия ограничен жесткими рамками принципов уголовного процесса (неотвратимости ответственности и публичности), поэтому дальнейшее его продвижение предполагает соответствующее доктринальное обоснование этой формы альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов и законодательное закрепление как результат преодоления упомянутой коллизии норм права.

5. Отраслевая имплементация идеи восстановительного правосудия предполагает введение в УК и УПК РФ соответствующих новелл, в рамках которых излагались бы: содержание и субъектный состав медиативной процедуры, пределы применения норм восстановительного правосудия с учетом категориальности (общественной опасности) преступлений, значение заключения примирительного соглашения и др.

6. Необходима дальнейшая доктринальная разработка категориального аппарата и критериев эффективности восстановительного правосудия.

Библиография

1. Аликперов Х. Д. оглы Преступность и компромисс / Азерб. НИИ пробл. судеб. экспертизы, криминалистики и криминологии ; [Предисл. И.И. Карпеца]. – Баку: Элм, 1992. – 196 с.
2. Аликперов Х. Д. оглы, Зейналов М. А. Компромисс в борьбе с преступностью: (Пособие для прокуроров) / Х.Д. Аликперов, М.А. Зейналов ; Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М. : ИПК РК Генер. прокуратуры РФ, 1999. – 84 с.
3. Андрусенко, С. П. Модель восстановительного правосудия как элемент правовой защиты жертв преступлений в США / С. П. Андрусенко, И. С. Власов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 1(74). – С. 88-93.
4. Брукс, Д. Различия между медиацией и восстановительным правосудием/практикой / Д. Брукс, М. Йен // Вестник восстановительной юстиции. – 2016. – № 13. – С. 108-123.
5. Воронин, М. В. Системность права и системность правовых норм / М. В. Воронин // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов : Избранные материалы / Отв. ред. В.Г.

- Голубцов, О.А. Кузнецова; Губернатор Пермского края; Пермский государственный национальный исследовательский университет, юридический факультет;
Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России»;
Региональная общественная организация «Пермское землячество»; Семнадцатый арбитражный апелляционный суд; Пермский краевой суд; Арбитражный суд Пермского края; Уполномоченный по правам человека в Пермском крае;
Нотариальная палата Пермского края. : ООО "Издательство "Статут", 2016. С. 85-95.
6. Вуд, У. Р. Четыре вызова будущему восстановительного правосудия / У. Р. Вуд, М. Сузуки // Вестник восстановительной юстиции. – 2018. – № 15. – С. 6-23.
  7. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.
  8. Гришай, Ж. Г. К вопросу о возможностях восстановительного правосудия в правовом регулировании межнациональных отношений / Ж. Г. Гришай, Е. Г. Мацнева // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 5. – С. 78-82.
  9. Денисова, А. В. Системность как категория познания российского уголовного права / А. В. Денисова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1(31). – С. 39-43.
  10. Денисова, А.В. Системность российского права: проблемы философской и юридической интерпретации: монография/ А.В. Денисова.– Саратов: Издательство «Саратовский университет», 2014.
  11. Деришев Ю. В., Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : монография. М., 2016. – 221 с.
  12. Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
  13. Зер, Х. Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров / Х. Зер // Вестник восстановительной юстиции. – 2015. – № 12.
  14. Карягина, О. В. Идеи примирения и посредничества в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли / О. В. Карягина // Философия права. – 2010. – № 3(40). – С. 55-60.
  15. Кобец, П.Н. О необходимости социально-криминологического моделирования криминальной ситуации в России / П.Н. Кобец, К.А. Краснова // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. – С. 41-46.
  16. Комаров, А. А. Восстановительное правосудие как форма реабилитации жертв преступления / А. А. Комаров // Научные стремления. – 2012. – № 1. – С. 25-33.
  17. Конин, В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей / В. В. Конин // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 42-44.
  18. Коробкин, А. В. Использование процедур восстановительного правосудия как альтернативный способ разрешения уголовно-правовых споров с участием несовершеннолетних / А. В. Коробкин // Проблемы уголовной ответственности и наказания : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, Рязань, 18 ноября 2020 года. – Рязань: Академия ФСИН России, 2021. – С. 60-64.
  19. Крапчатова, И. Н. Медиация как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в странах Западной Европы / И. Н. Крапчатова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 5. – С. 246-251.

20. Кузнецова, О. Д. Некоторая характеристика состояния альтернативного разрешения спора на современном этапе развития экономического правосудия / О. Д. Кузнецова // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник научных статей, посвященный 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта, Калининград, 13–15 апреля 2017 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. – С. 146-149.
21. Кури, Х. Медиация, восстановительное правосудие и социальная реинтеграция правонарушителей: последствия мер, альтернативных уголовному наказанию / Х. Кури // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 172-194.
22. Кури, Х. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт / Х. Кури, О. Ю. Ильченко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 120-129.
23. Молчанова, Т. Ю. Медиация как технология восстановительного правосудия / Т. Ю. Молчанова, Г. Р. Швецов // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2018. – № 4(18). – С. 63-66.
24. Ожиганова, М. В. Восстановительное правосудие как альтернативная форма уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних / М. В. Ожиганова // Уголовная юстиция. – 2013. – № 2(2). – С. 38-40.
25. Панькина, И. Ю. Формы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве : Учебное пособие / И. Ю. Панькина, В. В. Конин, Т. Н. Долгих. – Москва : Полиграфический центр Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2022. – 89 с.
26. Петрова, О. В. Внедрение медиации в механизме уголовной политики Республики Беларусь / О. В. Петрова // Эпомен. – 2021. – № 66. – С. 84-94.
27. Победкин, А. В. Восстановительное правосудие: что кроется за «ширмой»? / А. В. Победкин // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2020 года. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2021. – С. 274-279.
28. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
29. Рымко, Е. М. Восстановительное правосудие как альтернативная форма разрешения уголовно-правовых конфликтов / Е. М. Рымко, Н. А. Смирнова // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме : Всероссийская научно-практическая конференция, Кострома, 14–16 декабря 2017 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2018. – С. 463-469.
30. Сафонов, В. Н. Антикоррупционные ожидания в менталитете современной молодёжи: криминологическое значение и перспективы / В. Н. Сафонов // Динамика и проблемы воздействия современного общества на представления молодежи о морали и праве : Сборник научных статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 года / Сост. В.Г. Бондарев, П.В. Векленко, В.В. Припечкин. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2020. – С. 182-188.
31. Сафонов, В. Н. Уроки судебной практики распространения положений ст.76.2 УК РФ на категорию тяжких преступлений / В. Н. Сафонов, Н. К. Петровский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и

право. – 2021. – № 10. – С. 81-91.

32. Скрипченко, Н. Ю. Восстановительное правосудие в уголовном процессе (анализ практики) / Н. Ю. Скрипченко // IV международный пенитенциарный форум "преступление, наказание, исправление" : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России, в 10 т., Рязань, 20–22 ноября 2019 года. Том 3. – Рязань: Академия ФСИН России, 2019. – С. 288-292.
33. Харченко, О.В. Об определении места Следственного комитета Российской Федерации в системе государственных органов // Мир юридической науки. Научно-теоретический журнал. – СПб. 2011. № 6. С. 7-14.
34. Харченко, О.В. Правоохранительная функция в системе функций государства // Научно-практический журнал «Полицейское право» № 1 (11) 2008. Издание Омского юридического института. С. 5-8.
35. Bonta J., Jesseman R., Rugge T. et al. Restorative Justice and Recidivism: Promises Made, Promises Kept? // Handbook of Restorative Justice: A Global Perspective / ed. by D. Sullivan, L. Tifft. L., 2006. P. 108-120.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как указывается автором, "... уголовно-правовые нормы, которые исследователи связывают с реализацией подходов восстановительного правосудия. В частности, таковыми являются положения ст. ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ, корреспондирующие им нормы УПК РФ, а также положения Особенной части УК РФ, предусматривающие основания освобождения от уголовной ответственности в случаях совершения субъектом преступлений соответствующих позитивных посткриминальных действий. Упомянутые нормы УК РФ рассматриваются в том числе и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 №193-ФЗ". Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта в тексте статьи: она "... основана на широком применении общих (обобщение, наблюдение), общенаучных (диалектический, логический, системный), частнонаучных (социологический, исторический, аксиологический) и специальных (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод юридической герменевтики) методов исследования".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современное состояние института восстановительного правосудия – предмет отдельной и неоднозначной оценки. Предвижу возражения, ведь большинство публикаций на эту тему позитивно и дружно настаивает не только на «большом светлом будущем», но уже на состоявшемся настоящем этой формы разрешения конфликтов. С этим можно было бы согласиться, если современная доктрина и правоприменительная практика давали бы исчерпывающий ответ на вопросы: 1) что такое восстановительное правосудие? 2) как оно соотносится с такими категориями как: уголовный процесс, альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов, медиация, компромисс с преступностью, освобождение от уголовной ответственности? Представляется, что к настоящему времени оптимистическое ожидание результатов

альтернативного уголовного преследования не столь очевидно воплощается в результатах. Не могут не обращать на себя внимание: рассогласованность терминов, относящихся к альтернативам действующего судопроизводства, неопределенность их внутриотраслевых и межотраслевых границ, отсутствие критериев эффективности и убедительности того, что конкретный конфликт разрешен средствами альтернативного, а не традиционного правосудия и др. Темпоральные «лимиты» внешне убедительных аргументов ценности восстановительного правосудия заканчиваются, однако содержательных ответов на поставленные выше вопросы с позиции системности права [9, с. 39-43] не дано. Все это предопределяет обращение проблеме восстановительного правосудия". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем - соответствующие положения содержатся в основной части работы.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Казалось бы, и в теории, и на практике следовало ожидать неизбежную диффузию альтернативных форм судопроизводства в массу уголовно-правовых конфликтов. Однако отсутствие достаточной нормативно-правовой базы и четких критериев успешности альтернативного правосудия (в рамках реально существующего уголовного восстановительного правосудия), да и убедительной статистики не позволяют утверждать об эффективности такового. Приверженцы традиционного уголовного процесса и вовсе решительно отвергают формы альтернативного урегулирования уголовно-правовых конфликтов «за отсутствием достаточных научных оснований»; "... медиативное законодательство принимается в логичной последовательности, но недостаточно оперативно и ограничено частно – публичными отраслями"; "Уместен вопрос о проблемах, которые замедляют продвижение института восстановительного правосудия. Налицо рассогласованность терминов, относящихся к альтернативам действующего судопроизводства, неопределенность их внутриотраслевых и межотраслевых границ, неопределенность критериев эффективности, неубедительность аргументов того, что конкретный конфликт разрешен средствами альтернативного, а не традиционного правосудия и др. Однако все названное – скорее следствие, причина недостаточно определенного статуса восстановительного правосудия видится в другом. Думается, что эти проблемы уходят в краеугольный правовой принцип системности права"; "Очевидно, что восстановительное правосудие в структурном отношении – межотраслевой институт, распространяющийся на правоотношения, лежащие в сфере уголовного, уголовно-процессуального, семейного, гражданского, гражданско-процессуального, административного права. Поэтому предмет регулирования этого института в сфере уголовного права и уголовного процесса следует более точно фиксировать на законодательном уровне, четко соблюдая внутри- и межотраслевые границы правового регулирования" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы работы, определяет объект и предмет исследования, его методологию. Основная часть статьи представлена тремя разделами: "1) Предпосылки развития альтернативных форм урегулирования уголовно-правовых конфликтов"; "2) Альтернативные формы урегулирования уголовно-правовых конфликтов (неполный перечень и краткий анализ)"; "3) Восстановительное правосудие с позиций имплементации в законодательную и правоприменительную сферы". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий, но

не лишено недостатков формального характера.

Так, в работе встречаются опечатки: "Все это предопределяет обращение проблеме восстановительного правосудия" - пропущен предлог "к"; "Так, Л.В. Головкин констатирует, что, отчаявшись «видеть в наказании исключительно утилитарную меру, способную реально, а не только в теории, исправлять и реадaptировать преступника, его все чаще воспринимают как... восстановление нарушенного преступником деянием баланса» [7, с. 12]" - цитата не вычитана и, как следствие, смысл предложения затемнен.

Ученый отмечает: "Подписание соглашения позволяет преступнику избежать лишения свободы при совершении преступления небольшой тяжести, а при совершении более тяжкого деяния дает шанс на соответствующие санкции с увеличением вероятности условного осуждения" - "соглашения".

Приведенный перечень опечаток не является исчерпывающим - статья нуждается в тщательном вычитывании.

Автор пишет: "Предвижу возражения, ведь большинство публикаций на эту тему позитивно и дружно настаивает не только на «большом светлом будущем», но уже на состоявшемся настоящем этой формы разрешения конфликтов"; "На мой взгляд, медиативное законодательство принимается в логичной последовательности, но недостаточно оперативно и ограничено частно – публичными отраслями" - в научной статье следует избегать обращения к читателю от первого лица единственного числа. Местоимение "я" заменяется на местоимение "мы", либо автор пишет обезличенно: "думается", "предполагается" и т.п. Кроме того, настаивают на чем-либо не публикации, а их авторы.

Библиография исследования представлена 35 источниками (диссертационной работой, монографиями, научными статьями, учебником и учебными пособиями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (О. В. Карягина, В. В. Конин, И. Н. Крапчатова, А.В. Победин и др.), и вполне достаточна. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1.Альтернативные формы урегулирования уголовно-правовых конфликтов имеют гуманистическую, нравственно-психологическую, материальную и другие основы, в силу чего они востребованы обществом. 2. В содержательном отношении восстановительное правосудие представляет собой межотраслевой институт, распространяющийся на гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, административные, уголовные и уголовно-процессуальные отношения. Однако в настоящее время законодательно он распространяется на отрасли частного права. В публичных отраслях права медиативную функцию в силу пробельности норм выполняют стороны. 3. Современное состояние института восстановительного правосудия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РФ не соответствует системности как интегрирующему принципу права, что предполагает его дальнейшее внутри- и межотраслевое совершенствование. 4. На настоящий момент институт восстановительного правосудия ограничен жесткими рамками принципов уголовного процесса (неотвратимости ответственности и публичности), поэтому дальнейшее его продвижение предполагает соответствующее доктринальное обоснование этой формы альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов и законодательное закрепление как результат преодоления упомянутой коллизии норм права. 5.Отраслевая имплементация идеи восстановительного правосудия предполагает введение в УК и УПК РФ соответствующих

новелл, в рамках которых излагались бы: содержание и субъектный состав медиативной процедуры, пределы применения норм восстановительного правосудия с учетом категориальности (общественной опасности) преступлений, значение заключения примирительного соглашения и др. 6.Необходима дальнейшая доктринальная разработка категориального аппарата и критериев эффективности восстановительного правосудия"), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса.